

ВНЕДРЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОГО СУДА В УКРАИНЕ И МИРОВОЙ ОПЫТ

Введение. После событий 2014 года при поддержке западных стран и международных организаций на борьбу с коррупцией в Украине обратили серьезное внимание. В Украине появилось Национальное антикоррупционное бюро Украины (НАБУ) и Специализированная антикоррупционная прокуратура (САП). В 2015 году всерьез заговорили и о создании специального антикоррупционного суда. В свое время представители Европейского союза (ЕС) и США требовали от Украины решить проблему с коррупцией. Именно представители ЕС и США инициировали и финансово помогали в разработке и внедрении антикоррупционного законодательства.

Основная часть. Вокруг идеи создания Высшего антикоррупционного суда (ВАКС) в Украине уже долгое время идут горячие баталии. Он вроде бы и был внедрен новым законом «О судостроительстве и статусе судей», но и не совсем так, что отчетливо демонстрирует отсутствие четких механизмов формирования его состава и перечня полномочий. Дело в том, что антикоррупционный суд стал больше предметом политического компромисса при принятии закона. Отсюда и такая неопределенность. Закон хоть и предусматривает создание ВАКС, но откладывает это на неопределенное время, до принятия соответствующего специального закона.

Судебная реформа практически не затрагивает эту тему. В ней вопрос создания антикоррупционного суда лишь упоминается. Необходим соответствующий законопроект, который пропишет механизм деятельности суда и его полномочия.

Законопроект в Верховной Раде появился в начале февраля, однако вокруг него идут юридические дискуссии.

Хотелось бы обратить внимание, что антикоррупционные суды не существуют в странах ЕС, это прерогатива стран Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Такие суды есть, например, в Гватемале, Индонезии, странах Центральной Африки. Известное исключение составляют лишь Хорватия, Словакия и Болгария. Так, сегодня в мире существует 20 государств, в которых действуют подобного рода суды. По всей видимости, рост или снижение темпов коррупции зависит от экономической ситуации в государстве, культурных традиций, мотивации правящих элит, а не от самого факта наличия отдельных структур.

Чисто антикоррупционных судов, которые занимаются исключительно коррупционными преступлениями, пусть даже и в широком смысле этого слова, нет ни в одной европейской стране. Скажем, в той же Словакии специальный суд действует не только по коррупционным, но и целому ряду иных, отнесенных к его ведению, тяжких преступлений (в их числе отмывание денег, терроризм, преступления против собственности и даже подготовка к умышленному убийству). В Хорватии, к которой, по мнению многих, должна стремиться наша страна (в том числе в плане оккупированных территорий Донецкой и Луганской областей, призванных повторить трагическую судьбу Сербии), существуют суды по противодействию коррупции и организованной преступности, которые занимаются в том числе торговлей людьми, грабежами и многими другими преступлениями. Аналогичная ситуация складывается в Болгарии.

Создание антикоррупционных судов, особенно в таких странах, как Украина или Кения, имеет больше символическое значение, призванное продемонстрировать разрыв с прежней судебной системой. Неслучайно в Европе для них даже специально выстраиваются новые здания, дабы судей не тревожили «духи прошлого». Тем самым антикоррупционный суд является не столько правовым средством оптимального разрешения уголовных дел, сколько революционным инструментом, призванным реформировать уголовную юстицию в те исторические моменты, когда возникает недоверие к профессиональному судейскому корпусу, ассоциируемому со «старым режимом». По этой же причине широко практикуется набор в антикоррупционные судьи работников не из числа «коронной юстиции», а судей из числа преподавателей юриспруденции, адвокатов, которые, рассмотрев конкретное дело, возвращаются к своим прямым функциональным обязанностям.

Закон «О судостроительстве и статусе судей» [1] предусматривает, что во время проведения конкурсов на должности судей любого суда страны, в том числе антикоррупционного, претенденты на должности, кроме проверки профессиональных знаний, должны будут пройти серьезную антикоррупционную проверку. Они будут подавать три декларации: о личном имуществе и доходах, доходах и имуществе родственников и декларацию добросовестности. Кроме того, будет проводиться мониторинг всех кандидатов на стадии конкурса.

На наш взгляд, идея привлечения отдельной комиссии, в которую бы вошли иностранные специалисты для отбора судей в антикоррупционный суд в Украине, правильная. Украина подписала меморандум с ФБР, американские детективы уже сейчас помогают нашим, и у них наблюдаются большие успехи. Судьи-иностранцы смогут стать своеобразным предохранителем от попадания в антикоррупционный суд разных негативных вещей.

Сегодня существует много вопросов по привлечению в антикоррупционный суд судей-иностранцев, а зарплаты, как известно, в европейских странах у них немаленькие. Например, заработная плата судей в странах Западной Европы и США в разы превышает заработную плату их украинских коллег: у судей в США

начинается с 200 тыс. дол. США в год, в Англии составляет в среднем около 130 тыс., в Нидерландах — 74 тыс., в Италии — 55 тыс. евро в год. Выше судейские заработные платы и в странах Восточной Европы. Например, в Польше судья получает в среднем 22 тыс. евро в год, а в Латвии и Литве — около 20 тыс. евро в год [2].

Антикоррупционные суды в силу сложившейся в развивающихся странах правовой культуры все равно рано или поздно упираются в классические для судебной системы проблемы или по крайней мере некоторые из них. Скажем, в Палестине антикоррупционные суды уже давно превратились в образец «конвейерного правосудия», где даже дела с высокой технологической составляющей рассматриваются в 10-дневный срок, и еще 7 дней дается на их обжалование безотносительно к существу дела, что в свою очередь ведет к повсеместному нарушению процессуальных прав подсудимых. Словацкие специальные суды часто обвиняют в том, что они занимаются по преимуществу «мелкой рыбешкой» (в этой стране взяткой формально считаются даже 20 евро, переданные в знак благодарности лечащему врачу), не затрагивая интересы коррумпированных лидеров общенационального масштаба. По статистике, лишь 3% осужденных этими судами нанесли ущерб более 5 тыс. евро [3].

Заключение. Вопрос о создании отдельных антикоррупционных судов не имеет никакого отношения к проблеме эффективности осуществления правосудия по коррупционным делам, борьба с которыми требует использования иных форм, многие из которых вовсе лежат за пределами правового поля. В самом деле, на некоторых этапах своего функционирования они могут сыграть определенную позитивную роль, прежде всего за счет специализации судей на данной категории дел, улучшения материальных условий их работы, ужесточения процессуального законодательства в части уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении подобного рода деяний, и т. д. Однако внедрение антикоррупционных судов, как показывает международная практика, само по себе не может искоренить коррупцию. Учитывая, что процессом вплотную заинтересовались главные международные союзники Украины, то в ближайшее время стоит ожидать сдвига в этом направлении. В НАБУ и САП рассчитывают, что антикоррупционный суд будет создан до конца 2017-го, максимум в начале 2018 года.

Список цитируемых источников

1. О судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : Закон Украины от 2 июня 2016 года № 1402-VIII. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31773882#pos=0;114. — Дата доступа: 13.12.2016.
2. Мамченко, Н. Отборный суд / Н. Мамченко, В. Хрипун // Судеб.-юрид. газ. — 7 сент. 2015. — № 29—30. — С. 297—298.
3. Евсеев, А. Антикоррупционные суды: мировой опыт / А. Евсеев // Новое Время. — 2017. — 9 февр.

УДК 340

Е. Н. Жидкова

Институт права и национальной безопасности федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», Тамбов, Российская Федерация

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Введение. Исследование теоретических основ познания публичного права, смысла и ценности, принципов строения и перспектив развития данного явления является сегодня одним из важнейших направлений юридической науки. Публичное право по природе своей отражает и выражает существование феномена публичности, тесно связанного с институтами государства и власти.

Основная часть. В последнее время в России все больше и больше признается необходимость активной роли государства, его участия в качестве эффективно действующего субъекта в реформировании общества, отмечается и недопустимость восприятия государства обществом как враждебной силы, противостоящей его интересам [1, с. 3].

Сложившаяся тенденция не нова. Проблема соотношения частного и публичного права, места и роли публичного права в системе права всегда была в поле зрения ученых-юристов. Неослабевающий интерес к данной теме идет со времен римского права, и у каждого нового поколения ученых складывается свое видение публичного права. Наиболее значительную роль данное право играет в сфере государственного управления.

Первым отечественным ученым, поставившим науку государственного права на прочную теоретическую базу, был А. Д. Градовский — выдающийся ученый, преподаватель и публицист, чья профессиональная деятельность пришлась на вторую половину XIX века.

Основные идеи, пропагандируемые ученым, — идея прогресса, взаимопроникновения науки и практики, позитивизм. Они нашли свое отражение и в его учении о государственном управлении. В статье «О современном направлении государственных наук» А. Д. Градовский отмечал, что в прошлом политическая наука, не имея возможности работать над практическими вопросами государственной жизни, государственного управления,